

И. А. Васькин

Наблюдательный совет Ирана (1980–2022): социальные и профессиональные факторы рекрутирования¹

ВАСЬКИН Илья Андреевич — старший преподаватель, младший научный сотрудник, Центр изучения Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии, Институт Классического Востока и Античности (ИКВИА) ФГН Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: ivaskin@hse.ru

Данная статья посвящена социально-демографическому анализу светских юристов и факихов — членов Наблюдательного совета. Для анализа был использован структурно-биографический метод. Были исследованы семь составов Наблюдательного совета 1980–2022 гг., всего 51 человек и 123 назначения. Результаты исследования показывают, что между светскими юристами и факихами существуют структурные различия. Светские юристы в среднем моложе факихов, а также относительно минимального и максимального возраста. Факихи учатся в первую очередь в семинариях, светские юристы — в университетах, получают степени во Франции и Британии. Светские юристы профессионально неоднородны, среди них есть бывшие сотрудники судов, прокуратуры, государственной гражданской службы, адвокаты, выходцы из науки. Региональное происхождение светских юристов и факихов также значительно различается, у них есть только одна объединяющая провинция — Исфахан, что может быть связано с большой ролью патримониальных связей при рекрутировании элит. В целом такая разница свидетельствует о наличии двух правовых культур — светской и исламской, которые отражаются в разных социально-демографических паттернах рекрутирования соответствующих членов Наблюдательного совета. Помимо этого, результаты свидетельствуют о том, что светские юристы и факихи выходят из разных социальных сред — территориальной, профессиональной, образовательной. Профессионализация и социализация этих групп, в свою очередь, оказывают большое влияние на принятие решений в разных сферах жизни общества, включая законодательную власть, к которой относится Наблюдательный совет. Данное исследование носит ограниченный характер и касается только юристов и факихов из Наблюдательного совета.

Ключевые слова: Наблюдательный совет; Иран; рекрутирование элит; юридическая профессия; правовая культура; бюрократия.

Введение

Наблюдательный совет (НС) Ирана является одним из конституционных органов Исламской Республики Иран (ИРИ). Его основные функции — проверка законопроектов на соответствие нормам шариата и Конституции Исламской Республики, комментирование и разъяснения касательно деятельности государственного механизма Ирана и его правовой системы, а также контроль участников выборов в национальные органы власти, то есть в Исламский консультативный совет (Меджлис), Совет экспертов и на

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

должность Президента страны. НС состоит из 12 человек: шести светских юристов и шести исламских юристов (факихов), назначаемых на шесть лет с ротацией каждые три года.

НС фактически является верхней палатой иранского парламента, обладает дополнительными функциями контроля за участием в выборах и надзора за выборами как таковыми. Помимо этого, при необходимости он также может выполнять функции конституционного суда, интерпретируя отдельные положения Конституции ИРИ.

Этот институт один из основных для ИРИ. Исследование рекрутирования членов НС позволяет узнать, что примерно представляет собой юридическая профессия в стране: составы НС включают только юристов. Таким образом, проанализировав составы, можно определить социально-профессиональную структуру части юридического сообщества Ирана.

Существующие исследования НС сфокусированы на его роли в политическом процессе страны [Samii 2001; Naini 2006], а также на конституционных аспектах его деятельности [Shirvani 2012; Вылцан 2021]. Эти исследования фиксируют принадлежность Наблюдательного совета к верхним палатам парламентов, а также показывают политическую роль НС в уменьшении фактической конкуренции в Исламской республике. Соответственно, исследовательский вопрос следующий: каковы факторы рекрутирования элит в НС Ирана?

Важно отметить, что в Иране фиксируется наличие двух правовых культур — светской и исламской. Исходя из имеющихся данных, они различаются с точки зрения норм, практик и др. [Banakar, Keyvan 2020]. Данное исследование поможет также выявить социально-демографические сходства и различия между этими правовыми культурами. Таким образом, цель данного исследования — анализ социально-демографических факторов рекрутирования элит в Наблюдательный совет Иран в 1980–2022 гг.

Важно отметить, что поскольку все члены Наблюдательного совета являются юристами, в данную работу включён небольшой обзор юридической профессии в Иране.

Данное исследование имеет обзорный характер, поэтому не претендует на полноту и всеохватность анализа.

Исследования рекрутирования элит

Существующие на данный момент исследования рекрутирования элит в верхние палаты показывают, что их состав палат сильно варьируется в зависимости от социального и политического контекста.

В развитых демократиях большую роль играют партии [Farrell, McAllister 1995], важными факторами являются социальное [Matthews 1954] и профессиональное [Richardson 1967; Nilsson 2019] происхождение. Для некоторых развивающихся азиатских стран типа Непала имеет значение сельское происхождение членов, профессиональное происхождение из числа студентов и сотрудников с высшим образованием неправительственных общественных объединений или некоммерческих организаций (НКО), созданных по инициативе или при участии властей и работающие на интересы государства (Government-Organized (Operated) Non-Governmental Organization — GONGO) [Meyer, Chalice 1999].

Для российского Совета Федерации в 1990-е — начале 2000-х гг. характерна большая роль бизнеса и представителей региональных органов власти [Remington 2003], в целом для 2000-х гг. была специфична дерегионализация при общем увеличении доли бывших губернаторов и уменьшении доли бизнесменов [Ross, Turovsky 2013]. В 2000–2020 гг. выросла роль членов СФ, сделавших политиче-

скую карьеру в столице. При этом важен предыдущий законодательный опыт, в том числе в региональных парламентах [Тев 2021].

Упомянутые выше исследования позволяют узнать, как устроено рекрутирование в верхние палаты парламентов, что даёт возможность ограниченно сопоставить НС с другими парламентами. Вместе с тем из-за специфики процедуры назначения в НС нельзя говорить о полном соответствии его с другими верхними палатами.

Исследования, в фокусе которых находятся элиты стран Ближнего Востока и Северной Африки, показывают важность социального происхождения, большую роль патримониализма и наличие значимых ограничителей для получения статуса элиты для тех, кто никогда к ней не принадлежал [Faksh 1976; Drysdale 1981; Hinnebusch 1981; Assiri, Al-Monoufi 1988; Baram 1989; Rubin 1992]. Важным фактором является опыт службы в армии. Все упомянутые работы демонстрируют общие паттерны рекрутирования ближневосточных элит, однако они ограниченно применимы к НС, где работают только юристы.

Что касается исследований иранских элит, то их можно разделить на несколько частей. Первый блок сфокусирован на анализе формального и неформального разделения властей в политических институтах Ирана [Buchta 2000; Thaler et al. 2009]. Второй концентрируется на анализе идеологических [Akhavi 1987; Malek 1989; Behrooz 1991; Rakel 2008], структурных [Golkar 2016] и клановых [Мамедова 2016] размежеваний внутри иранских элит. Исследования внутриэлитных конфликтов [Siavoshi 1992; Mozaffari 1993; Vakili-Zad 1994; Kazemzadeh 2008] примыкают к этой группе. Помимо этого, существует ряд работ, посвящённых трансформации иранского парламента, которые фиксируют увеличение доли в нём светских депутатов и депутатов с высшим образованием [Baktiari 1996; Alem 2011]. Эти работы позволяют понять общий контекст рекрутирования элит в Иране.

Юридическая профессия в Иране

Юридическое поле Исламской республики включает четыре группы: (1) судебная власть; (2) судебные клерки и другой административный персонал; (3) адвокаты, которые относятся к Иранской адвокатской палате (ИАП) и Юрисконсультам судебной власти (ЮСВ); (4) клиенты, то есть обычные граждане, частные, некоммерческие и государственные организации, группы интересов, которые используют юридическую систему для достижения своих целей [Banakar, Ziaee 2018b].

Современная правовая система Ирана возникла в 1906 г. в ходе Конституционной революции. В 1915 г. юристы страны создали ИАП, которая находилась под контролем Министерства юстиции до 1953 г. — тогда она получила юридическое лицо. До 1980 г. ИАП действовала как независимая НКО, дальше была закрыта, а среди её руководства были проведены чистки. В 1991 г. Палата снова была открыта, получила некоторую независимость во время президентства Мохаммеда Хатами (1997–2005), поддерживавшего идею верховенства права. В начале 1990-х количество членов ИАП составляло около 20 тысяч, к 2016 г. это число выросло примерно до 60 тысяч. Важное свойство иранских юристов — широкая специализация, они редко принадлежат только к одной правовой отрасли [Banakar, Ziaee 2018b].

С момента Исламской революции 1979 г. ИАП боролась за собственную независимость от судебной власти. Одним из эпизодов этого конфликта было создание в 2001 г. нового государственного юридического органа — юрисконсульты судебной власти (ЮСВ)² — с функционалом адвокатов. Центр юрисконсульты и экспертов судебной власти готовит и проводит экзамены для них. Чтобы получить статус юрис-

² К середине 2010-х гг. в Иране всего было около 20 тысяч юрисконсульты [Banakar, Ziaee 2018a].

консульта, студент должен отучиться шесть месяцев и сдать один экзамен³ [Banakar, Ziaee 2018b]. На данный момент ИАП и ЮСВ представляют собой ключевых игроков рынка юридических услуг страны.

Судьи в Иране назначаются согласно «Закону о квалификациях» 1982 г.: кандидат должен быть верующим мусульманином, справедливым, практически действовать по принципам ислама и быть лоялен Исламской республике. Если потенциальных кандидатов недостаточно, судебная система может выбирать судей из студентов юридических и теологических факультетов и религиозных семинарий. Если в 1980-х гг. после чисток новыми судьями часто назначали студентов семинарий, то к 2010-м гг. большинство из них стало относиться к выпускникам юридических факультетов. При этом часть судей — это люди, проваливавшие экзамены в ИАП. Кандидаты на пост судей тщательно отбираются Высшим отборочным советом, для чего в 1982 г. была создана специальная школа [Banakar, Ziaee 2018a].

Одновременно можно говорить о совмещении в Иране сфер права, религии и политики. Высокоранговые судьи обычно могут быть отнесены к двум из них, отдельные — также и к трём. Члены ИАП, напротив, не относятся к ним и принадлежат только к правовой, на чём строят свой символический капитал, независимый от политики и религии.

Между судьями и адвокатами в Иране существует постоянный конфликт. С одной стороны, судьи обвиняют адвокатов в том, что те вмешиваются в процесс совершения правосудия. С другой стороны, адвокаты критикуют судей за то, что судьи враждебно к ним относятся, игнорируют процессуальные нормы и позволяют личным ценностям влиять на вынесение итоговых решений [Banakar, Ziaee 2018b].

В целом можно сказать, что в Иране существуют две правовые культуры. Первая основана на тщательном отборе судей из социально однородной группы мужчин с индоктринированием в ценности Исламской республики. Обучение ей включает понимание исламского права и активное его использование. Вторая группа представляет юриспруденцию современных правовых школ, для которой право — это конструкт для принятия решений, основанный на рациональных правилах [Banakar, Ziaee 2018a].

Данные и методы

В исследуемую совокупность входят все члены Совета, которые хотя бы раз состояли в нём в течение этого периода: всего 51 человек и 123 назначения. Относительно общепринятым определением элит в элитологии является следующее: «индивиды или малые, относительно сплочённые и стабильные группы со значимым влиянием на принятие решений» [Higley 2018: 27]. Однако это определение представляет подход на основе решений. Поскольку данное исследование опирается на позиционный подход, определение было изменено следующим образом: индивиды или малые, относительно сплочённые и стабильные группы, занимающие должности, которые дают им ресурсы, позволяющие значимо влиять на принятие решений.

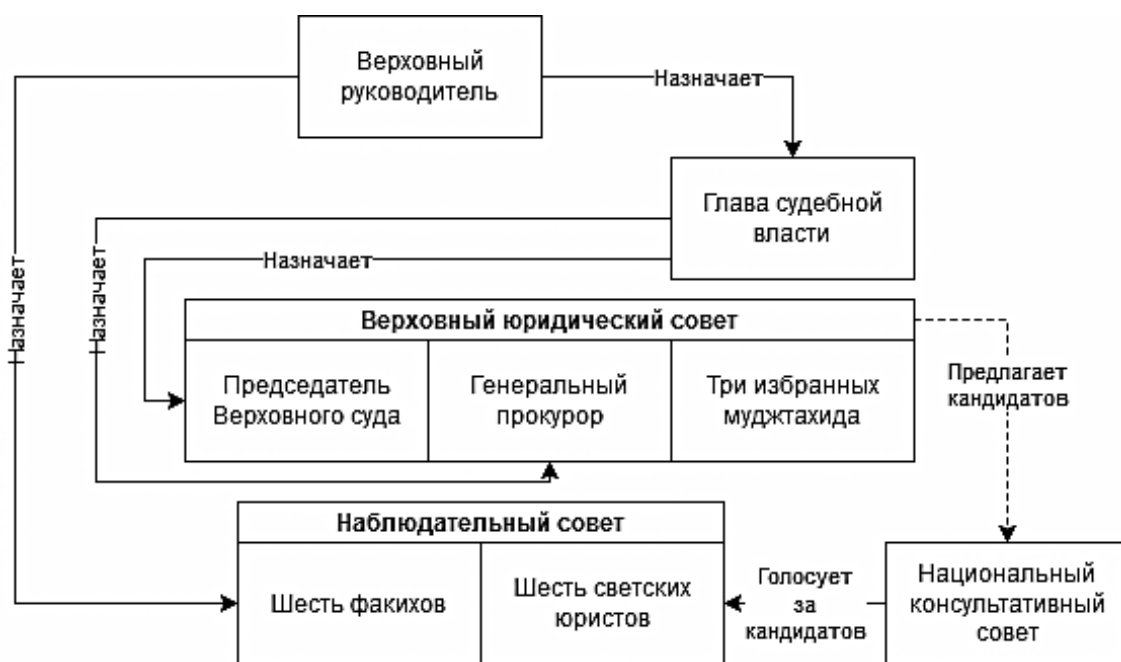
За основной источник данных принято издание «Postrevolutionary Iran: A Political Handbook» («Послереволюционный Иран: политический справочник») Мехрзада Боружерди и Куроша Рахимхани, где собраны биографии более 3000 представителей иранских элит после Исламской революции, а также публично доступные источники [Borojerdī, Rahimkhani 2018]. Методом анализа является структурно-биографический: все биографии были стандартизованы по биографической анкете, подсчитаны результаты для каждой из характеристик по составам Наблюдательного совета. Структурно-биографический анализ одним из первых был применён Робертом Далем в его исследовании элит в городе Нью-Хэйвене, хотя он его явно не называл так [Dahl 1961]. В России данный метод был впервые определён и применён в работе 2008 г. для исследования региональных элит [Быстрова et al. 2008].

³ Для сравнения: чтобы получить статус адвоката ИАП, студент должен пройти 18-месячную программу под надзором ментора с опытом более 10 лет, а также сдать несколько экзаменов.

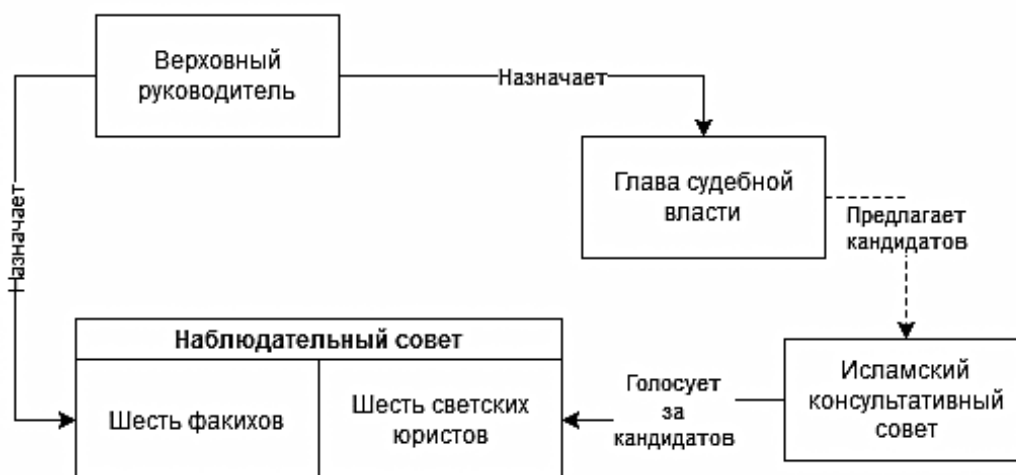
В данном исследовании одно наблюдение эквивалентно одному назначению одного человека в Наблюдательный совет. Если его назначали дважды, то такая ситуация соответствует двум наблюдениям и т. д. Помимо этого, по одному светскому юристу из первого состава не доступны данные о его месте рождения, ещё по одному из седьмого состава отсутствует практически вся социально-демографическая информация, кроме полученной степени и профессионального происхождения.

Наблюдательный совет как политический институт

Наблюдательный совет является гибридным институтом, сочетающим черты как верхней палаты парламента, так и конституционного суда и избирательной комиссии [Shirvani 2012], поэтому необходимо остановиться на его конституционном статусе и эволюции (см. рис. 1).

(а) Схема назначения членов Наблюдательного совета, 1979-1989 гг.

(б) Схема назначения членов Наблюдательного совета с 1989 г.

Рис. 1. Схема назначения членов Наблюдательного совета Ирана с 1979 г.

Наблюдательный совет проверяет все законопроекты Меджлиса на соответствие нормам ислама и Конституции Ирана [The Constitution... 2014: Art. 4]. Ни один из законопроектов Меджлиса не может считаться принятым без одобрения Наблюдательного совета [The Constitution... 2014: Art. 72]. При этом Наблюдательный совет может возвращать законопроекты Меджлиса на доработку [The Constitution... 2014: Art. 95]. Важно отметить, что на первом этапе факихи проверяют соответствие законопроектов нормам шариата, а на втором все членов Наблюдательного совета — нормам Конституции ИРИ [The Constitution... 2014: Art. 96]. При этом Наблюдательный совет по факту занимается интерпретацией Конституции Исламской республики [The Constitution... 2014: Art. 98].

Помимо этого, Наблюдательный совет также занимается интерпретацией Конституции [The Constitution... 2014: Art. 98] с согласия $\frac{3}{4}$ членов совета. В изначальной версии Конституции НС надзирал за выборами президента и парламента, а также за соопросами, однако после поправок 1989 г. в этот список также вошли выборы в Совет экспертов и референдумы [The Constitution... 2014: Art. 99]. Помимо этого, члены НС входят в состав Комиссии по пересмотру Конституции, если и когда такая комиссия собирается [The Constitution... 2014: Ch. 14). В дополнение к перечисленным функциям члены НС присутствуют на церемонии инаугурации президента [The Constitution... 2014: Art. 121], могут участвовать в деятельности Меджлиса, чтобы ускорить процесс принятия поправок [The Constitution... 2014: Art. 97]. Также в случае невозможности исполнения функций Верховным лидером один из факихов НС, избранный Советом экспертов, временно занимает его место до избрания нового Верховного руководителя [The Constitution... 2014: Art. 111].

Наблюдательный совет состоит из 12 человек — шести светских и шести исламских юристов. Факихи назначаются напрямую Верховным руководителем. В Конституции Ирана 1979 г., до поправок 1989 г. (см. рис. 1), светских юристов предлагал Верховный юридический совет, состоявший из Генерального прокурора, Председателя Верховного суда и трёх избранных муджтахидов. При этом Председателя Верховного суда и Генерального прокурора назначал глава судебной власти, которого назначал Верховный руководитель. Далее Меджлис голосовал за их назначение [The Constitution... 2014: Art. 91]. После поправок 1989 г. процедура назначения светских юристов упростилась, их стал назначать напрямую глава судебной власти, при этом необходимость голосовать за них Меджлису осталась (см. рис. 1). Все члены НС назначаются на шесть лет с ротацией половины членов каждые три года [The Constitution... 2014: Art. 92].

Упрощение процедуры назначения может свидетельствовать о желании усилить контроль за светскими юристами Наблюдательного совета: более сложные процедуры согласования могут позволять светским юристам действовать более автономно в принятии решений.

Сам НС определяет себя следующим образом: «Несмотря на сравнение нашей системы с другими системами, можно сказать, что Конституция Исламской Республики Иран выбрала лучший метод в этом плане [Речь идёт о защите Конституции. — *И. В.*]; поскольку Конституционный суд в других странах ответственный за интерпретацию Конституции, является судебной властью, он относится к подмножеству одной из ветвей власти в этих странах, в то время как Наблюдательный совет в нашей стране является независимым институтом и действует независимо от трёх ветвей власти»⁴.

Наблюдательный совет на выборах регулярно отказывает в регистрации кандидатам без объяснения причин, или, если и называет их, они формулируются противоречиво. Например, в 2000 г. и 2004 г. было отказано в регистрации кандидатам в депутаты Меджлиса, которые на тот момент уже были депутатами [Samii 2001; Вылцан 2021] иранского парламента. Также на президентских выборах 2009 г.

⁴ ناب‌مگن یاروش تارای‌ت‌خا و فای‌اظو [Права и обязанности Наблюдательного совета]. URL: <https://www.shora-gc.ir/0001Y7>

НС утвердил спорные результаты, согласно которым их выиграл Махмуд Ахмадинежад, что привело к массовым протестам и появлению Зелёного движения (2009–2011 гг.) — самого массового на тот момент протестного движения после Исламской революции 1978–1979 гг.

Рис. 2. Структура назначений светских юристов и факихов в Наблюдательный совет Ирана, 1980–2022 гг, чел., $N = 123$

Важно также отметить, что трижды Верховный руководитель назначал факихов как юристов в Наблюдательный совет. Ими были Мохаммед-Реза Аббасифард (1992–2004), Аббас Кааби (2004–2010) и Мохаммед Салими (2004–2010).

Если же в целом сопоставить паттерны рекрутирования факихов и светских юристов (см. рис. 2), то можно отметить, что светские юристы рекрутируются относительно более стабильно, в каждом составе, за исключением седьмого, их по 8–9 человек. Факихи же рекрутируются относительно неустойчиво, вариация составляет 7–12 человек за состав. Также можно выделить своеобразные волны рекрутирования факихов: в первом и четвёртом составах их было по 11–12, во втором и пятом — по девять и семь соответственно, в третьем — по семь человек.

Важно также отметить, что три факиха входят в Наблюдательный совет с момента его основания: аятоллы Ахмад Джаннати (с 1980 г.), Мохаммад Момен (1983–2019 гг.) и Мохаммад Язди (1986–2020 гг.). Среди светских юристов сопоставимым сроком работы обладает только Мохаммед-Реза Ализаде (с 1986 г.). В целом факихи в среднем дольше работают в НС по сравнению со светскими юристами.

Результаты исследования

Возрастное распределение

Возраст является одним из индикаторов, демонстрирующих внутриэлитную динамику. В частности, возраст отражает работу социальных лифтов, роль институтов, которые должны способствовать сменяемости персонала в органах власти, и т. д.

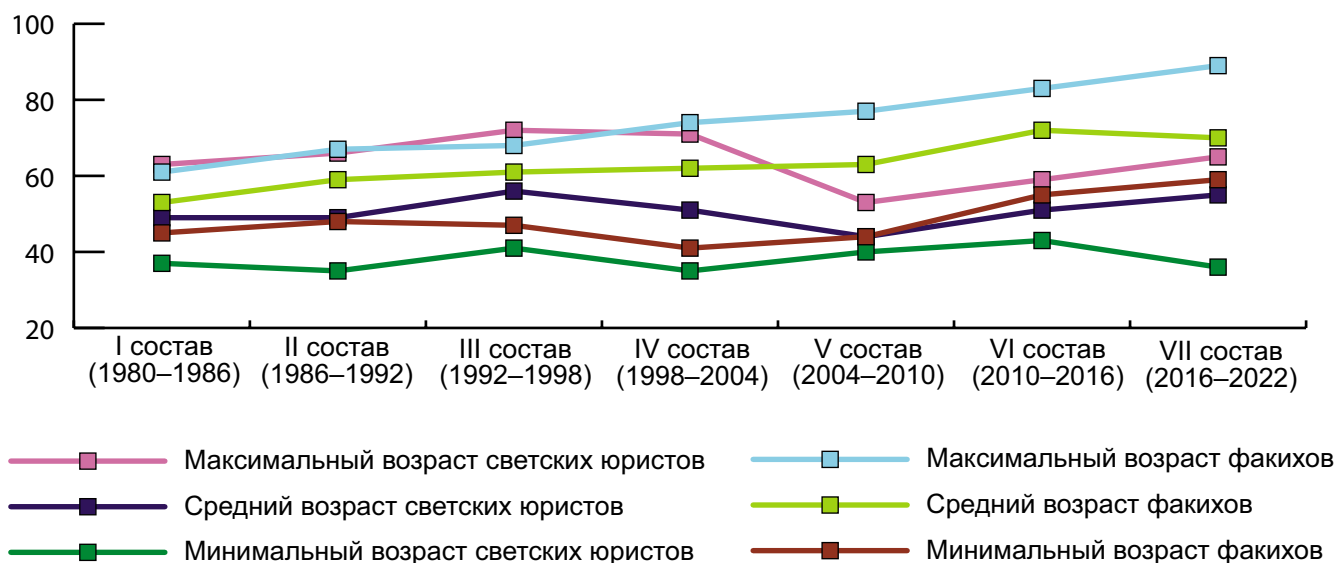

Рис. 3. Возрастная динамика светских юристов и факихов Наблюдательного совета Ирана, 1980–2022 гг., полных лет, $N = 123$

Возрастная динамика членов Наблюдательного совета (см. рис. 3) демонстрирует следующие паттерны:

- средний возраст факихов, скорее, рос: если в составе I он был ближе к 52 годам и почти соответствовал среднему возрасту светских юристов, то в составах VI–VII он достигал уже 70 лет;
- средний возраст светских юристов оставался относительно на одном и том же уровне и колебался в диапазоне 44–56 лет; при этом разница в возрасте между светскими юристами и факихами достигла 11 лет уже в составе IV, а в составах V и VI она — 20 лет.

Похожая ситуация касалась разницы между минимальными и максимальными возрастными у обеих групп. Если в течение первых четырёх составов она достигала 1–8 лет, то в составах VI и VII колебалась между 12–24 годами.

Такая разница может быть объяснена разными бассейнами рекрутирования. В случае духовенства ими служат аятоллы и великие аятоллы. При том что их ограниченное количество, минимальный возраст даже для иранского аятоллы составляет 54 года, а более 90% из них старше 60 лет. Что касается светских юристов, получить статус известного юриста с репутацией и степенью куда быстрее и проще, как было описано выше.

Образовательные траектории

Образование факихов и светских юристов в Иране — важная часть их социального капитала. Необходимо отметить, что после Исламской революции Иран покинули наиболее вестернизированные и образованные слои страны [Mossayeb, Shirazi 2006]. Помимо этого, высшее образование в Иране исламизировалось и массовизировалось [Mojab 1991; Nabibi 2015]. Не менее важным является высокий престиж учёных у иранцев в целом [Abdollahyan, Nayebi 2009].

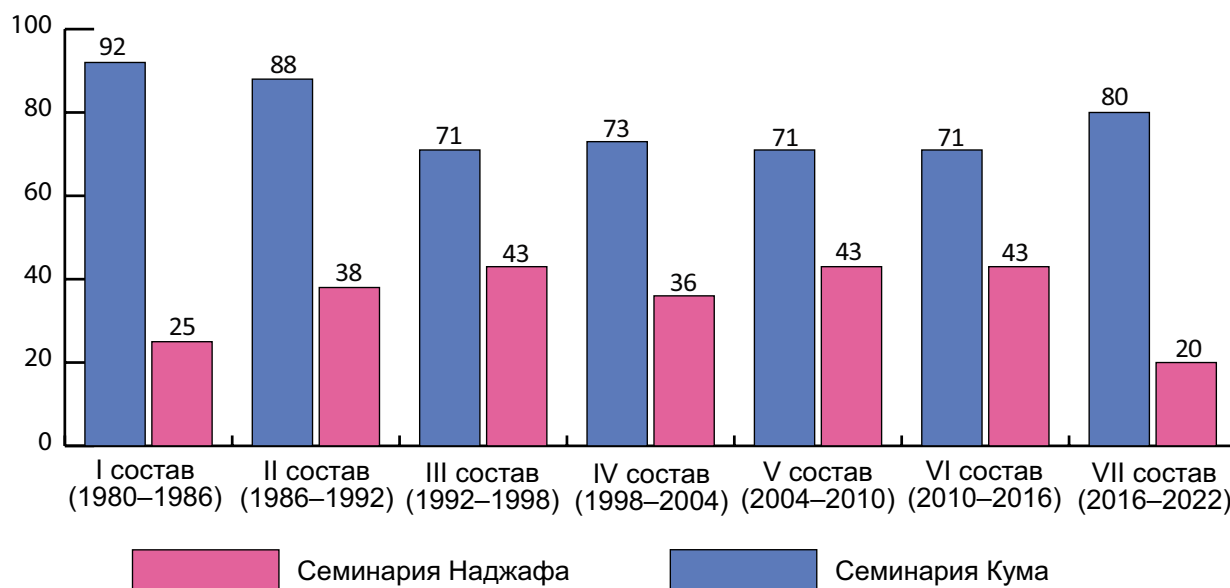

Рис. 4. Места получения образования факихами Наблюдательного совета Ирана, 1980–2022 гг., %, $N = 62$

Если смотреть на характеристику факихов с точки зрения религиозного образования (см. рис. 4), ключевым местом обучения для них была семинария Кума: 71–92% факихов в зависимости от состава учились в ней. Вторым по важности центром религиозного обучения была семинария Наджафа в Ираке, где учились 20–43% религиозных юристов Наблюдательного совета. При этом ни один факих не обладал светским образованием, что сильно отличает их от духовенства в Совете экспертов Ирана, в котором доля духовенства, окончившего светские университеты, достигает 18–22% [Васькин 2024].

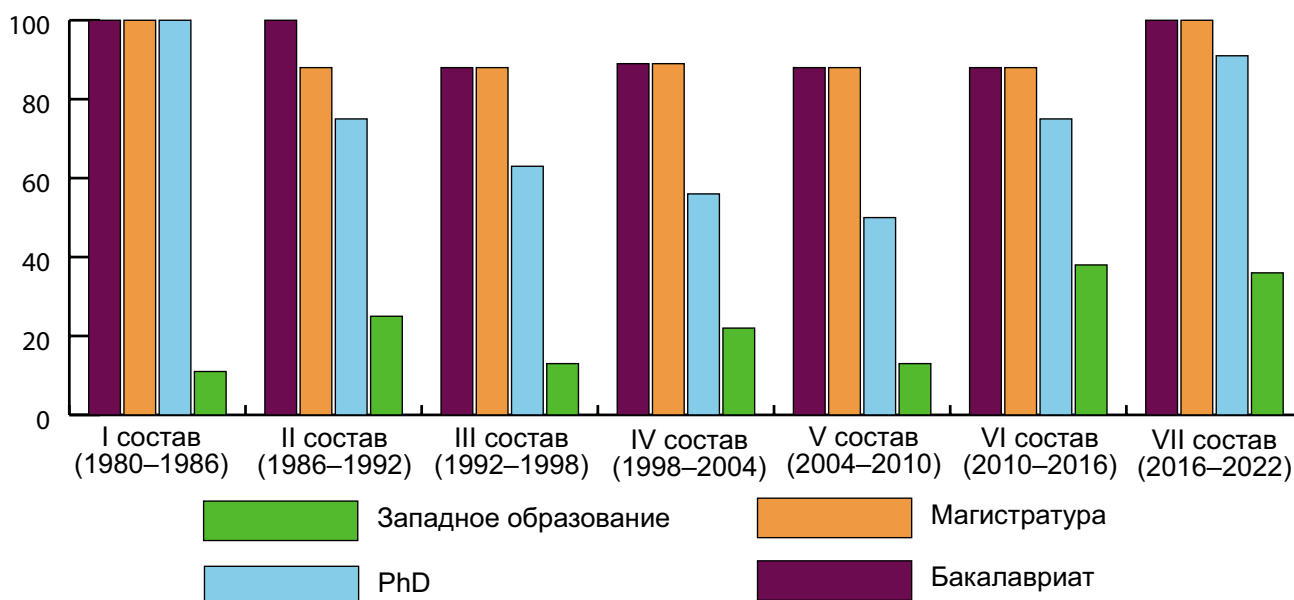

Рис. 5. Образование светских юристов Наблюдательного совет Ирана, 1980–2022 гг., %, $N = 61$

Большая часть светских юристов — как минимум, бакалавры и магистры (и этот показатель стабилен); доля магистров в зависимости от состава равнялась от 88%. Оставшиеся 12% — это факихи (см. рис. 5). При этом доля PhD сильно варьируется в зависимости от состава. Она была максимальной в составах I–VII, доходила до 100%, сильно уменьшаясь в составах IV и V (50–56%).

Среди правовых специализаций явно доминирует право (66%) как таковое, также есть отдельные юристы, изучавшие частное право (10%), международное (Сейед Фазлолла, состав VII), уголовное (Эльхам Голямхосейн, состав V) и коммерческое (Гударз Эфтехар-Джахроми, составы I и II).

У отдельных светских юристов Наблюдательного совета было также неюридическое образование. В частности, у Мохаммеда-Резы Аббасифарда (составы III, IV) был философский бакалавриат, Хасан Хабиби (составы II–IV) учился на PhD по социологии и праву в Сорбонне, Сейед Мадани-Кермани (составы I, II) обладал степень PhD по политической науке.

Важно отметить, что в каждом составе был как минимум один светский юрист, получивший образование на Западе. В 60% случаев это были французские университеты — Сорбонна⁵, Парижский университет, Университет Жана Моне. Оставшиеся 40% случаев относятся к британским — Университеты Лидса и Ливерпуля. Сам факт постоянной представленности элит с западным образованием в Наблюдательном совете может свидетельствовать о наличии неофициально существующей квоты для этой группы элит.

Профессиональное происхождение

Профессиональное происхождение является важным фактором, влияющим на поведение элит. Разный профессиональный опыт создаёт соответствующую профессиональную идентичность, превращающуюся в часть личности [Hughes 1958], и отражает представительность разных социальных групп с точки зрения социальной стратификации [Matthews 1984].

Таблица 1

Профессиональное происхождение светских юристов Наблюдательного совета Ирана, 1980–2022 гг., %, N = 61

Профессия до вступления в должность	Составы						
	I (1980–1986)	II (1986–1992)	III (1992–1998)	IV (1998–2004)	V (2004–2010)	VI (2010–2016)	VII (2016–2022)
Работа в суде	67	50	38	22	25	38	27
Гражданская служба	0	25	25	44	38	25	45
Наука	0	0	0	11	13	25	27
Прокуратура	11	13	25	11	0	0	0
Духовенство	0	0	13	11	25	13	0
Адвокатура	22	13	0	0	0	0	0

Если смотреть на динамику профессионального происхождения светских юристов (см. табл. 1), можно выявить следующий паттерн: состав I состоял из бывших судей, адвокатов и прокуроров; для составов II–IV характерно преобладание бывших судей, выходцев из государственной гражданской службы и прокуроров, а также духовенства; в составах V–VII бывшие судьи и государственные служащие также сохранили своё влияние, а место бывших прокуроров и духовенства заняли выходцы из науки.

В целом можно сказать, что в Наблюдательном совете среди бывших юристов есть две профессиональные группы, занимающие наибольшую долю мест: выходцы с государственной гражданской службы и бывшие судьи. В зависимости от состава их общая доля колебалась в диапазоне между 63–75%.

⁵ В Сорбонне на докторской программе по социологии и праву учился Хасан Хабиби, который позже стал автором первой редакции Конституции ИРИ. Однако он не успел защититься во Франции из-за Исламской революции. Позже он защитился в Тегеранском университете [Randjbar-Daemi 2013].

Специальных исследований, посвящённых пертурбациям в юридическом сообществе Ирана после революции, довольно мало, поэтому возможные их объяснения также сильно ограничены, и последующие трактовки автора этой статьи носят, скорее, спекулятивный характер. Одним из объяснений может быть динамика политического процесса в Исламской республике. Состав I был создан во время Исламской революции, когда в стране преобладало старое законодательство, нового практически не было. Для проверки массы новых законопроектов на соответствие нормам Конституции нужны были судьи. Этот фактор может объяснить их преобладание также и в составах II и III.

Увеличение доли выходцев из гражданской службы в составах II–VII может быть связано с бюрократизацией института, переходом из революционной фазы в состояние термидора и восстановлением позиций гражданской бюрократии.

Рост доли выходцев из академической среды в составах IV–VII объяснимо значительным ростом распространения высшего образования и появлением нового академического класса [Kazemi, Dehnavi 2017]. Этот академический класс (в него входят и юристы) и стал новым бассейном рекрутирования в НС.

Наличие выходцев из прокуратуры (составы I–IV) и адвокатуры (состав I и II), вероятно, также связано с революционными процессами и постреволюционной инерцией. И те, и другие сыграли важную роль в первые годы Исламской революции: первые боролись с оппозицией и выносили приговоры; вторые в рамках возможного защищали права граждан. Вероятно, у адвокатов была репутация борцов с режимом династии Пехлеви, однако к 1992 г. они перестали быть полезны Исламской республике. Что касается бывших прокуроров, то их исчезновение из составов НС может быть объяснено либерализацией режима в 1990–2000-е гг.

Представителей духовенства в состав светских юристов НС вводил лично Али Хаменеи. Скорее всего, для того, чтобы те помогали блокировать законопроекты, которые он считал опасными для консервативного статус-кво, а также поддерживали те, что могли бы сыграть на пользу консерваторам. Однако на данный момент это труднодоказуемо из-за отсутствия информации о соответствующих дебатах в НС.

Региональное происхождение

Региональное происхождение членов Наблюдательного совета может отражать такие факторы внутри-элитной динамики, как качество социальных лифтов, роль патримониальных связей, кумовства и т.д.

Таблица 2

Региональное происхождение факихов Наблюдательного совета Ирана, 1980–2022 гг., %, N = 62

Провинции	Составы						
	I (1980–1986)	II (1986–1992)	III (1992–1998)	IV (1998–2004)	V (2004–2010)	VI (2010–2016)	VII (2016–2022)
Исфахан	33	50	29	36	29	29	20
Кум	17	13	14	9	14	14	10
Наджаф, Ирак	0	0	14	18	29	14	20
Маркязи	8	13	14	9	14	14	0
Луристан	8	13	14	18	0	0	0
Остальные провинции	33	13	14	9	14	29	50

Как показывает динамика провинциального происхождения факихов Наблюдательного совета (см. табл. 2), 50–91% его членов происходят из пяти провинций (Исфахан, Кум, Наджаф (Ирак), Маркязи и Луристан).

Высокая доля выходцев из Исфахана (20–50%) может быть объяснена тем, что первый по очередности Наблюдательного совета великий аятолла Лотфолла Сафи Гольпаегани (1980–1988) и третий секретари аятолла Ахмад Джаннати (с 1992 г.) сами происходили из этой провинции и могли убедить аятоллу Хомейни назначать своих друзей, используя их собственные патримониальные связи.

Провинции Наджаф (Ирак) и Кум являются центрами религиозного образования; соответственно выше вероятность, что именно оттуда будут происходить факихи в силу более свободного доступа к соответствующим семинариям.

Наличие выходцев из провинций Луристана и Маркязи, скорее, связано с личным авторитетом соответствующих аятолл: ими были аятоллы Голямреза Резвани и Аболькасем Хазали; оба обладали огромным авторитетом как участники антишахской борьбы до Исламской революции и сыграли в ней значительную роль.

Таблица 3

Региональное происхождение светских юристов Наблюдательного совета Ирана, 1980–2022 гг., %, N = 61

Провинции	Составы						
	I (1980–1986)	II (1986–1992)	III (1992–1998)	IV (1998–2004)	V (2004–2010)	VI (2010–2016)	VII (2016–2022)
Тегеран	22	25	38	33	13	38	27
Мазендаран	11	38	38	22	13	25	18
Исфахан	0	0	0	11	13	13	18
Керманшах	0	0	0	11	25	13	0
Остальные провинции	67	38	25	22	38	13	36

В случае регионального происхождения светских юристов (см. табл. 3) ключевыми провинциями являются Тегеран, Мазендаран, Исфахан и Керманшах; они в сумме охватывают 33–87% членов НС в зависимости от состава.

Влиятельность выходцев из Тегерана (13–38%) может быть объяснена тем, что там находятся все ключевые центры юридического образования: Тегеранский университет, Университет Тарбият Модаррес, Университет юридических и административных наук.

Что касается Мазендарана (11–38%), то из этой провинции происходят два брата Ахмад (составы II–IV) и Мохаммед-Реза Ализаде (составы II–VIII), обладающие в Иране большим авторитетом как юристы-конституционалисты. Наличие выходцев из Исфахана (11–18%) и Керманшаха (11–25%) на данный момент объяснить трудно.

Другие характеристики

Служба в Корпусе стражей Исламской революции (КСИР) также может быть значимым фактором для определения сплочённости элит. Ветераны КСИР объединены нормами и практиками, связанными с военной службой, а также ветеранскими организациями, которые могут быть использованы как инструмент политической борьбы [Ostovar 2016].

Вплоть до пятого состава известные ветераны КСИР среди членов НС отсутствовали. В составе V среди светских юристов ветеранов КСИР было 38%, в составе VI — 13%, в составе VII — 20%. Среди факихов за всё время существования Наблюдательного совета известных ветеранов КСИР не было вообще.

Важно также отметить, что среди членов Наблюдательного совета никогда не было женщин. Хотя официального запрета на назначение женщин членами НС нет, фактически существует неформальное ограничение. Пока что женщины могут быть только депутатами Меджлиса и членами Правительства Ирана, занимая должности вице-президентов по делам семьи и женщин, по культурному наследию и туризму, по правовым отношениям, по окружающей среде, по национальным элитам. Также женщинами были министр здравоохранения Марзие Вахид-Дастджерди (2009–2012 гг.) во время второго срока президента Махмуда Ахмадинежада (2009–2013 гг.) и министр дорог и городского развития Фарзана Садег в правительстве Масуда Пезешкияна (с 2024 г.).

Вероятно, такая разница в присутствии женщин на политически значимых должностях может быть объяснена институциональным дизайном политической системы страны: Верховный руководитель, пожилой мужчина, прямо или косвенно назначает всех членов Наблюдательного совета. Важная особенность иранского духовенства в целом — слабая представленность женщин, имеющих титулы аятоллы; их почти нет. При этом массовое женское религиозное образование является относительной инновацией и возникло лишь в 1980-е гг. [Sakurai 2012]. Женщины не могут занимать должности факихов, а также иметь допуск на выборы в Совет экспертов. Однако им легче получить возможность баллотироваться в состав Меджлиса, так как сам Меджлис относительно большой по своему составу, там мягче требования к участию в выборах. Также их могут назначать президенты вице-президентами, поскольку кандидатуры вице-президентов не нужно выставлять на голосование. Всё это позволяет президентам назначать политически лояльных женщин на высокие посты, чтобы либо получить дополнительную поддержку на последующих выборах, либо непосредственно выразить свой политический курс. Вместе с тем политическая конъюнктура в целом является значимым фактором для участия женщин в иранской политике [Vahdati 2021].

Заключение

Таким образом, Наблюдательный совет является гибридным институтом в Исламской республике. Он одновременно исполняет роль верхней палаты парламента, конституционного суда и избирательной комиссии. Его институциональные полномочия в первую очередь связаны с проверкой на соответствие нормам шариата и Конституции законопроектов, которые в него поступают.

Исследование показало, что между факихами и светскими юристами, из которых состоит совет, есть значимые социально-демографические различия.

Во-первых, светские юристы меняются более стабильно по сравнению с факихами. Если первых назначают по 8–9 человек на состав, за одним исключением, то вторые рекрутируются по 7–12 человек на состав. Помимо этого, светские юристы реально ротируются. В случае же факихов, трое из них находились в составе НС с момента его создания и до собственной смерти или находятся до сих пор. Среди светских юристов подобной карьерной устойчивостью обладает только один, и он является членом НС со второго состава.

Во-вторых, светские юристы значительно моложе факихов как в среднем, так и относительно минимального и максимального возраста. Эта разница может быть объяснена значительно более долгой профессионализацией у шиитского духовенства и более широким бассейном рекрутирования у светских юристов.

В-третьих, образовательные траектории также сильно отличаются. У духовенства они в первую очередь связаны с обучением в духовных семинариях и порой в светских университетах. Светские юристы, в свою очередь, поголовно имеют светское образование. Помимо этого, как минимум один из них в любом составе учился на Западе и имеет полученную там минимум одну степень, что может свидетельствовать о наличии неформальной квоты для этой группы элит.

В-четвёртых, профессионально духовенство однородно. Светские юристы происходили в основном из бывших сотрудников суда и гражданской службы, также значимую роль до пятого состава играли бывшие сотрудники прокуратуры, с шестого состава всё большую роль стали играть выходцы из науки.

В-пятых, между светскими юристами и факихами есть большие различия в плане провинциального происхождения. Из четырёх и пяти наиболее значимых провинций совпадает только одна. Значимую роль в отборе членов НС, скорее всего, играет патримониальный фактор, а также доступ к влиятельным образовательным светским и религиозным центрам.

Подводя итог, можно сказать, что факихи и светские юристы действительно представляют собой две разные группы с практически не совпадающим социальным происхождением, что подтверждает высказывания о наличии двух правовых культур в Иране [Banakar, Ziaee 2018a], упомянутые в начале статьи.

Социально-демографические различия между светскими юристами и факихами, скорее всего, обусловлены разной социальной и профессиональной средой, где они формировались. Обе эти группы учились в разных университетах и семинариях, профессии светских и религиозных юристов слишком значительно отличаются друг от друга по входу в профессию и профессиональной социализации, что и ведёт к соответствующим различиям.

Данное исследование является обзорным и не претендует на полноту анализа. Его могло бы дополнить сопоставление биографией членов НС, одновременно участвующих в других органах власти, или сетевой анализ связей как внутри НС, так и по отношению к иранской элите в целом.

Понимание факторов формирования НС может быть полезно экономической социологии, поскольку члены НС проверяют на соответствие нормам шариата и Конституции все законопроекты, поступающие из Меджлиса, включая связанные с экономикой и хозяйством. И как минимум дважды НС сыграл важную роль в дебатах о совместимости современных экономических политик и ислама.

Это были дебаты о земельной реформе, проходившие в 1981–1986 гг.⁶ Меджлис тогда выступал с позиции, явно противоречащей исламским нормам, факихи из НС поддержали традиционную трактовку. Конфликт закончился вмешательством Верховного руководителя и принятием версии Меджлиса.

В 1987 г. левый министр труда Аболькасем Сархаддизаде отправил запрос к Хомейни по поводу того, какими должны быть отношения между государством и частным сектором, сотрудниками и покупателями; его интересовал религиозный статус классических социальных политик. Хомейни ответил, что государство вправе регулировать операции частного бизнеса. Традиционалист аятолла Гольпаегани, секретарь Наблюдательного совета, возразил, что эта позиция несовместима с шариатом и шиитским правом. Хомейни подтвердил свою приверженность идеям НС, однако отказался менять свою позицию. В этот конфликт в дальнейшем вмешался также президент Али Хаменеи. В итоге возобладала версия Хомейни, согласно которой нормы шариата можно нарушать во имя целесообразности, то есть

⁶ См. подробнее: [Frings-Hessami 2001].

государственного интереса. В дальнейшем этот конфликт стал одним из факторов, повлиявшим на формирование Ассамблеи по определению целесообразности⁷.

В обоих случаях факихи из НС противопоставляли себя Верховному руководителю и в обоих проиграли. Соответственно (в том числе для того, чтобы понять, почему они принимали такие решения) важно отдавать себе отчет в их социально-профессиональном происхождении. Данное исследование позволяет понять, кто в ИРИ формально определяет принятие законопроектов, явно противоречащих нормам шариата.

Литература

- Быстрова А. С. et al. 2008. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации. В сб.: Елисеева И. И. (ред.). *Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов*. СПб.: Нестор-История; 99–242.
- Васькин И. А. 2024. Совет экспертов Исламской Республики Иран: социально-демографические и политические факторы рекрутирования (1983–2024). *Социологическое обозрение*. 23 (1): 107–134. doi: [10.17323/1728-192x-2024-1-107-134](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-1-107-134)
- Вылцан С. Е. 2021. *Законодательная власть в Исламской Республике Иран*. М.: Проспект.
- Мамедова Н. М. 2016. Иран: особенности формирования политической элиты. *Восток (Oriens)*. 1: 121–127.
- Тев Д. Б. 2021. Члены Совета Федерации: карьера до вхождения в должность и после прекращения полномочий. *Мир России. Социология. Этнология*. 30 (4): 53–78. doi: [10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78)
- Abdollahyan H., Nayebi H. 2009. Conceptualizing Occupational Prestige: An Empirical Case Study from Iran. *Asian Journal of Social Science*. 37 (2): 192–207. doi: [10.1163/156853109X415336](https://doi.org/10.1163/156853109X415336)
- Akhavi S. 1987. Elite Factionalism in the Islamic Republic of Iran. *Middle East Journal*. 41 (2): 181–201.
- Alem Y. 2011. *Duality by Design: The Iranian Electoral System*. Washington, DC: IFES.
- Assiri A.-R., Al-Monoufi K. 1988. Kuwait's Political Elite: The Cabinet. *Middle East Journal*. 42 (1): 48–58.
- Baktiari B. 1996. *Parliamentary Politics in Revolutionary Iran: The Institutionalization of Factional Politics*. Gainesville: University Press of Florida.
- Banakar R., Keyvan Z. 2020. Iran: A Clash of Two Cultures? In: Abel R. et al. (eds) *Lawyers in 21st Century*. Vol. 1. Oxford: Hart Publishing; 581–600. doi: [10.5040/9781509915170.ch-029](https://doi.org/10.5040/9781509915170.ch-029)
- Banakar R., Ziaee K. 2018a. *The Legal Profession in the Islamic Republic of Iran*. URL: <https://iclr.net/wp-content/uploads/2018/06/SSRN-id3170599.pdf>.
- Banakar R., Ziaee K. 2018b. The Life of the Law in the Islamic Republic of Iran. *Iranian Studies*. 51 (5): 717–746 doi: [110.1080/00210862.2018.1467266](https://doi.org/110.1080/00210862.2018.1467266)

⁷ См. подробнее: [Namazi 2019].

- Baram A. 1989. The Ruling Political Elite in Ba'athi Iraq, 1968–1986: The Changing Features of a Collective Profile. *International Journal of Middle East Studies*. 21 (4): 447–493. doi: [10.1017/S0020743800032888](https://doi.org/10.1017/S0020743800032888)
- Behrooz M. 1991. Factionalism in Iran under Khomeini. *Middle Eastern Studies*. 27 (4): 597–614. doi: [10.1080/00263209108700879](https://doi.org/10.1080/00263209108700879)
- Boroujerdi M., Rahimkhani K. 2018. *Postrevolutionary Iran: A Political Handbook*. Syracuse; New York: Syracuse University Press.
- Buchta W. 2000. *Who Rules Iran. The Structure of Power in the Islamic Republic*. Washington, DC: The Washington Institute for Near East Policy; Konrad Adenauer Stiftung.
- The Constitution of the Islamic Republic of Iran 1989 Edition (trans. F. Papan-Martin). 2014. *Iranian Studies*. 47 (1): 159–200. doi: [10.1080/00210862.2013.825505](https://doi.org/10.1080/00210862.2013.825505)
- Dahl R. 1961. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven; Yale: Yale University Press.
- Drysdale A. 1981. The Syrian Political Elite, 1966–1976: A Spatial and Social Analysis. *Middle Eastern Studies*. 17 (1): 3–30. doi: [10.1080/00263208108700455](https://doi.org/10.1080/00263208108700455)
- Faksh M. A. 1976. Education and Elite Recruitment: An Analysis of Egypt's Post-1952 Political Elite. *Comparative Education Review*. 20 (2): 140–150. doi: [10.1086/445878](https://doi.org/10.1086/445878)
- Farrell D. M., McAllister I. 1995. Legislative Recruitment to Upper Houses: The Australian Senate and House of Representatives Compared. *The Journal of Legislative Studies*. 1 (2): 243–263. doi: [10.1080/13572339508420427](https://doi.org/10.1080/13572339508420427)
- Frings-Hessami K. 2001. The Islamic Debate about Land Reform in the Iranian Parliament, 1981–1986. *Middle Eastern Studies*. 37 (4): 136–171. doi: [10.1080/714004419](https://doi.org/10.1080/714004419)
- Golkar S. 2016. Configuration of Political Elites in Post-Revolutionary Iran. *Brown Journal of World Affairs*. 23 (1): 281–292.
- Habibi N. 2015. Iran's Overeducation Crisis: Causes and Ramifications. *Middle East Brief*. 85 (89): 1–7.
- Higley J. 2018. Continuities and Discontinuities in Elite Theory. In: Higley J. (ed.). *The Palgrave Handbook of Political Elites*. London: Palgrave Macmillan; 25–39. doi: [10.1057/978-1-137-51904-7_4](https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_4)
- Hughes E. C. 1958. *Men and Their Work*. Toronto: Collier-Macmillan.
- Hinnebusch R. A. 1981. Egypt under Sadat: Elites, Power Structure, and Political Change in a Post-Populist State. *Social Problems*. 28 (4): 442–464.
- Kalantari M. R. 2021. *The Clergy and the Modern Middle East: Shi'i Political Activism in Iran, Iraq and Lebanon*. London: Bloomsbury Publishing.
- Kazemi A. V., Dehnavi A. D. 2017. The New Academic Proletariat in Iran. *Critique*. 45 (1–2): 141–158. doi: [10.1080/03017605.2016.1268455](https://doi.org/10.1080/03017605.2016.1268455)

- Kazemzadeh M. 2008. Intra-Elite Factionalism and the 2004 Majles Elections in Iran. *Middle Eastern Studies*. 44 (2): 189–214. doi: [10.1080/00263200701874867](https://doi.org/10.1080/00263200701874867)
- Malek M. 1989. Elite Factionalism in the Post-Revolutionary Iran. *Journal of Contemporary Asia*. 19 (4): 435–460. doi: [10.1080/00472338980000281](https://doi.org/10.1080/00472338980000281)
- Matthews D. R. 1954. United States Senators and the Class Structure. *Public Opinion Quarterly*. 18 (1): 5–22. doi: [10.1086/266482](https://doi.org/10.1086/266482)
- Matthews D. R. 1984. Legislative Recruitment and Legislative Careers. *Legislative Studies Quarterly*. 9 (4): 547–585. doi: [10.2307/439635](https://doi.org/10.2307/439635)
- Meyer T., Chalice S. 1999. Legislative Elite and the Nepalese Parliament: A Study of Their Class Characteristics. *Contributions to Nepalese Studies*. 26 (1): 27–64.
- Mohammadi M. 2007. *Judicial Reform and Reorganization in 20th Century Iran: State-Building, Modernization and Islamicization*. New York, London: Routledge.
- Mojab S. 1991. *The State and University: The “Islamic Cultural Revolution” in the Institutions of Higher Education of Iran, 1980–1987*. PhD Dissertation. University of Illinois at Urbana-Champaign.
- Mossayeb S., Shirazi R. 2006. Education and Emigration: The Case of the Iranian-American Community. *Current Issues in Comparative Education*. 9 (1): 30–45. doi: [10.52214/cice.v9i1.11412](https://doi.org/10.52214/cice.v9i1.11412)
- Mozaffari M. 1993. Changes in the Iranian Political System after Khomeini’s Death. *Political Studies*. 41 (4): 611–617. doi: [10.1111/j.1467-9248.1993.tb01659.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1993.tb01659.x)
- Naini M. 2006. Iran’s Second Chamber? The Guardian Council. *The Journal of Legislative Studies*. 12 (2): 198–222. doi: [10.1080/13572330600739512](https://doi.org/10.1080/13572330600739512)
- Namazi R. 2019. Ayatollah Khomeini: From Islamic Government to Sovereign State. *Iranian Studies*. 52 (1–2): 111–131. doi: [10.1080/00210862.2018.1551054](https://doi.org/10.1080/00210862.2018.1551054)
- Nilsson T. 2019. The Swedish Senate, 1867–1970: From Elitist Moderniser to Democratic Subordinate. In: Bijleveld N. et al. (eds.). 2019. *Reforming Senates: Upper Legislative Houses in North Atlantic Small Powers 1800–Present*. London: Routledge; 133–145.
- Ostovar A. 2016. *Vanguard of the Imam: Religion, Politics, and Iran’s Revolutionary Guards*. Oxford: Oxford University Press.
- Rakel E. 2008. *Power, Islam, and Political Elite in Iran: A Study on the Iranian Political Elite from Khomeini to Ahmadinejad*. Leiden: Brill.
- Ramazani R. 1980. Constitution of the Islamic Republic of Iran. *Middle East Journal*. 34 (2): 181–204.
- Randjbar-Daemi S. 2013. Building the Islamic State: The Draft Constitution of 1979 Reconsidered. *Iranian Studies*. 46 (4): 641–663. doi: [10.1080/00210862.2013.784519](https://doi.org/10.1080/00210862.2013.784519)
- Remington T. 2003. Majorities without Mandates: The Russian Federation Council since 2000. *Europe-Asia Studies*. 55 (5): 667–691. doi: [10.1080/0966813032000086828](https://doi.org/10.1080/0966813032000086828)

- Richardson B. M. 1967. A Japanese House of Councillors Election: Support Mobilization and Political Recruitment. *Modern Asian Studies*. 1 (4): 385–402. doi: [10.1017/S0026749X00002663](https://doi.org/10.1017/S0026749X00002663)
- Ross C., Turovsky R. 2013. The Representation of Political and Economic Elites in the Russian Federation Council. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 21 (1): 59–88.
- Rubin B. R. 1992. Political Elites in Afghanistan: Rentier State Building, Rentier State Wrecking. *International Journal of Middle East Studies*. 24 (1): 77–99. doi: [10.1017/S0020743800001434](https://doi.org/10.1017/S0020743800001434)
- Sakurai K. 2012. Shi‘ite Women’s Seminaries (howzeh-ye ‘elmiyyeh-ye khahran) in Iran: Possibilities and Limitations. *Iranian Studies*. 45 (6): 727–744. doi: [10.1080/00210862.2012.726846](https://doi.org/10.1080/00210862.2012.726846)
- Samii W. 2001. Iran’s Guardians Council as an Obstacle to Democracy. *The Middle East Journal*. 55 (4): 643–662.
- Shevlin N. 1998. Velayat-e Faqih in the Constitution of Iran: The Implementation of Theocracy. *University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law*. 1 (2): 358–382.
- Shirvani F. A. 2012. Different Approach to the Control of Constitutionalism: Iran’s Guardian Council. In: Grote R., Roder T. (eds). *Constitutionalism in Islamic Countries: Between Upheaval and Continuity*. Oxford: Oxford University Press; 279–290.
- Siavoshi S. 1992. Factionalism and Iranian Politics: The Post-Khomeini Experience. *Iranian Studies*. 25 (3–4): 27–49. doi: [10.1080/00210869208701778](https://doi.org/10.1080/00210869208701778)
- Thaler D. et al. 2009. *Mullahs, Guards, and Bonyads: An Exploration of Iranian Leadership Dynamics*. Santa Monica, CA: RAND National Defense Research Institute.
- Vahdati M. 2021. *Women’s Political Empowerment and CEDAW: The Case of Iran and Turkey*”. Wilson Center. Retrieved August 6, 2021. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/womens-political-empowerment-and-cedaw-case-iran-and-turkey>
- Vakili-Zad C. 1994. Conflict among the Ruling Revolutionary Elite in Iran. *Middle Eastern Studies*. 30 (3): 618–631. doi: [10.1080/00263209408701014](https://doi.org/10.1080/00263209408701014)

Ilya Vaskin

The Guardian Council of Iran (1980–2022): Social and Professional Recruitment Factors

VASKIN, Ilya A. — Senior Lecturer, Junior Research Fellow, Centre for the Study of the Middle East, the Caucasus and Central Asia (CSMECCA), Institute for Oriental and Classical Studies, Faculty of Humanities, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: ivaskin@hse.ru

Abstract

The article analyzes the socio-demographic composition of the secular jurists and faqihs of the Iranian Guardian Council. The Guardian Council is a hybrid institution that performs the functions of an upper chamber of parliament, a constitutional court, and an electoral committee. The research employs a structural-demographic method. The research dataset consists of seven Guardian Councils, from 1980 to 2022, with 51 members and 123 appointments. The results of the study show that there are structural differences between secular jurists and fuqaha. Secular jurists are, on average, younger than fuqaha in terms of both minimum and maximum age. Fuqaha primarily study in seminaries, while secular lawyers attend universities and also receive degrees in France and Britain. Secular lawyers are not professionally homogeneous; among them are former employees of the courts, the prosecutor's office, the state civil service, lawyers, and academics. The regional origins of secular jurists and fuqaha also differ significantly; they share only one unifying province, Isfahan, which

may be due to the significant role of patrimonial ties in the recruitment of elites. Overall, this difference indicates the presence of two legal cultures: secular and Islamic, which are reflected in different socio-demographic patterns in recruiting members of the Guardian Council. The professionalization and socialization of these groups greatly influence their decision-making in various forms of social life, including the legislative branch to which the Guardian Council belongs. However, this study is limited to the secular jurists and fuqaha of the Council.

Keywords: Guardian Council; Iran; elite recruitment; legal profession; legal culture; bureaucracy.

Acknowledgements

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

References

- Abdollahyan H., Nayebi H. (2009) Conceptualizing Occupational Prestige: An Empirical Case Study from Iran. *Asian Journal of Social Science*, vol. 37, no 2, pp. 192–207. doi: [10.1163/156853109X415336](https://doi.org/10.1163/156853109X415336)
- Akhavi S. (1987) Elite Factionalism in the Islamic Republic of Iran. *Middle East Journal*, vol, 41, no 2, pp. 181–201.
- Alem Y. (2011) *Duality by Design: The Iranian Electoral System*, Washington, DC: IFES.
- Assiri A.-R., Al-Monoufi K. (1988) Kuwait's Political Elite: The Cabinet. *Middle East Journal*, vol. 42, no 1, pp. 48–58.

- Baktiari B. (1996) *Parliamentary Politics in Revolutionary Iran: The Institutionalization of Factional Politics*, Gainesville: University Press of Florida.
- Banakar R., Keyvan Z. (2020) Iran: A Clash of Two Cultures? *Lawyers in 21st Century*, vol. 1 (eds. R. Abel, O. Hammerslev, H. Sommerlad, U. Schultz), Oxford: Hart Publishing, pp. 581–600. doi: [10.5040/9781509915170.ch-029](https://doi.org/10.5040/9781509915170.ch-029)
- Banakar R., Ziaee K. (2018a) *The Legal Profession in the Islamic Republic of Iran*. Available at: <https://iclr.net/wp-content/uploads/2018/06/SSRN-id3170599.pdf> (accessed 10 June 2024)..
- Banakar R., Ziaee K. (2018b) The Life of the Law in the Islamic Republic of Iran. *Iranian Studies*, vol. 51, no 5, pp. 717–746. doi: [10.1080/00210862.2018.1467266](https://doi.org/10.1080/00210862.2018.1467266)
- Baram A. (1989) The Ruling Political Elite in Ba'athi Iraq, 1968–1986: The Changing Features of a Collective Profile. *International Journal of Middle East Studies*, vol. 21, no 4, pp. 447–493. doi: [10.1017/S0020743800032888](https://doi.org/10.1017/S0020743800032888)
- Behrooz M. (1991) Factionalism in Iran under Khomeini. *Middle Eastern Studies*, vol. 27, no 4, pp. 597–614. doi: [10.1080/00263209108700879](https://doi.org/10.1080/00263209108700879)
- Boroujerdi M., Rahimkhani K. (2018) *Postrevolutionary Iran: A Political Handbook*, Syracuse; New York: Syracuse University Press.
- Buchta W. (2000) *Who Rules Iran. The Structure of Power in the Islamic Republic*, Washington, DC: The Washington Institute for Near East Policy; Konrad Adenauer Stiftung.
- Bystrova A. S., Duka A. V., Kolesnik N. V., Tev D. B. (2008) Rossiyskie regional'nye elity: innovatsionnyy potentsial v kontekste globalizatsii. [Russian Regional Elites: An Innovative Potential in the Globalization Context]. *Globalizatsiya v rossiyskom obshchestve: sbornik nauchnykh trudov* [Globalization in the Russian Society: A Collection of Scientific Papers] (ed. I. I. Eliseeva), Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 99–242 (in Russian).
- The Constitution of the Islamic Republic of Iran (1989 Edition) (transl. F. Papan-Martin). (2014) *Iranian Studies*, vol. 47, no 1, pp. 159–200. doi: [10.1080/00210862.2013.825505](https://doi.org/10.1080/00210862.2013.825505)
- Dahl R. (1961) *Who Governs? Democracy and Power in an American City*, New Haven; Yale: Yale University Press.
- Drysdale A. (1981) The Syrian Political Elite, 1966–1976: A Spatial and Social Analysis. *Middle Eastern Studies*, vol. 17, no 1, pp. 3–30. doi: [10.1080/00263208108700455](https://doi.org/10.1080/00263208108700455)
- Faksh M. A. (1976) Education and Elite Recruitment: An Analysis of Egypt's Post-1952 Political Elite. *Comparative Education Review*, vol. 20, no 2, pp. 140–150. doi: [10.1086/445878](https://doi.org/10.1086/445878)
- Farrell D. M., McAllister I. (1995) Legislative Recruitment to Upper Houses: The Australian Senate and House of Representatives Compared. *The Journal of Legislative Studies*, vol. 1, no 2, pp. 243–263. doi: [10.1080/13572339508420427](https://doi.org/10.1080/13572339508420427)

- Frings-Hessami K. (2001) The Islamic Debate about Land Reform in the Iranian Parliament, 1981–1986. *Middle Eastern Studies*, vol. 37, no 4, pp. 136–171. doi: [10.1080/714004419](https://doi.org/10.1080/714004419)
- Golkar S. (2016) Configuration of Political Elites in Post-Revolutionary Iran. *Brown Journal of World Affairs*, vol. 23, no 1, pp. 281–292.
- Habibi N. (2015) Iran's Overeducation Crisis: Causes and Ramifications. *Middle East Brief*, vol. 85, no 89, pp. 1–7.
- Higley J. (2018) Continuities and Discontinuities in Elite Theory. *The Palgrave Handbook of Political Elites* (ed. J. Higley), London: Palgrave Macmillan, pp. 25–39. doi: [10.1057/978-1-137-51904-7_4](https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_4)
- Hinnebusch R. A. (1981) Egypt under Sadat: Elites, Power Structure, and Political Change in a Post-Populist State. *Social Problems*, vol. 28, no 4, pp. 442–464.
- Hughes E. C. (1958) *Men and Their Work*, Toronto: Collier-Macmillan.
- Kalantari M. R. (2021) *The Clergy and the Modern Middle East: Shi'i Political Activism in Iran, Iraq and Lebanon*, London: Bloomsbury Publishing.
- Kazemi A. V., Dehnavi A. D. (2017) The New Academic Proletariat in Iran. *Critique*, vol. 45, no 1–2, pp. 141–158. doi: [10.1080/03017605.2016.1268455](https://doi.org/10.1080/03017605.2016.1268455)
- Kazemzadeh M. (2008) Intra-Elite Factionalism and the 2004 Majles Elections in Iran. *Middle Eastern Studies*, vol. 44, no 2, pp. 189–214. doi: [10.1080/00263200701874867](https://doi.org/10.1080/00263200701874867)
- Malek M. (1989) Elite Factionalism in the Post-Revolutionary Iran. *Journal of Contemporary Asia*, vol. 19, no 4, pp. 435–460. doi: [10.1080/00472338980000281](https://doi.org/10.1080/00472338980000281)
- Mamedova N. M. (2016). Iran: osobennosti phormirovaniya politicheskoy elity [Iran: Features of the Political Elite Formation]. *Vostok (Oriens)*, no 1, pp. 121–127 (in Russian).
- Matthews D. R. (1954) United States Senators and the Class Structure. *Public Opinion Quarterly*, vol. 18, no 1, pp. 5–22. doi: [10.1086/266482](https://doi.org/10.1086/266482)
- Matthews D. R. (1984) Legislative Recruitment and Legislative Careers. *Legislative Studies Quarterly*, vol. 9, no 4, pp. 547–585. doi: [10.2307/439635](https://doi.org/10.2307/439635)
- Meyer T., Chalice S. (1999) Legislative Elite and the Nepalese Parliament: A Study of Their Class Characteristics. *Contributions to Nepalese Studies*, vol. 26, no 1, pp. 27–64.
- Mohammadi M. (2007) *Judicial Reform and Reorganization in 20th Century Iran: State-Building, Modernization and Islamicization*, New York; London: Routledge.
- Mojab S. (1991) *The State and University: The "Islamic Cultural Revolution" in the Institutions of Higher Education of Iran, 1980–1987*. PhD Dissertation. University of Illinois at Urbana-Champaign.
- Mossayeb S., Shirazi R. (2006) Education and Emigration: The Case of the Iranian-American Community. *Current Issues in Comparative Education*, vol. 9, no 1, pp. 30–45. doi: [10.52214/cice.v9i1.11412](https://doi.org/10.52214/cice.v9i1.11412)

- Mozaffari M. (1993) Changes in the Iranian Political System after Khomeini's Death. *Political Studies*, vol. 41, no 4, pp. 611–617. doi: [10.1111/j.1467-9248.1993.tb01659.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1993.tb01659.x)
- Naini M. (2006) Iran's Second Chamber? The Guardian Council. *The Journal of Legislative Studies*, vol. 12, no 2, pp. 198–222. doi: [10.1080/13572330600739512](https://doi.org/10.1080/13572330600739512)
- Namazi R. (2019) Ayatollah Khomeini: From Islamic Government to Sovereign State. *Iranian Studies*, vol. 52, no 1–2, pp. 111–131. doi: [10.1080/00210862.2018.1551054](https://doi.org/10.1080/00210862.2018.1551054)
- Nilsson T. (2019) The Swedish Senate, 1867–1970: From Elitist Moderniser to Democratic Subordinate. *Reforming Senates: Upper Legislative Houses in North Atlantic Small Powers 1800—Present* (eds. N. Bijleveld, C. Grittner, D. Smith, W. Versteegen), London: Routledge, pp. 133–145.
- Ostovar A. (2016) *Vanguard of the Imam: Religion, Politics, and Iran's Revolutionary Guards*, Oxford: Oxford University Press.
- Rakel E. (2008) *Power, Islam, and Political Elite in Iran: A Study on the Iranian Political Elite from Khomeini to Ahmadinejad*, Leiden: Brill.
- Ramazani R. (1980) Constitution of the Islamic Republic of Iran. *Middle East Journal*, vol. 34, no 2, pp. 181–204.
- Randjbar-Daemi S. (2013) Building the Islamic State: The Draft Constitution of 1979 Reconsidered. *Iranian Studies*, vol. 46, no 4, pp. 641–663. doi: [10.1080/00210862.2013.784519](https://doi.org/10.1080/00210862.2013.784519)
- Remington T. (2003) Majorities without Mandates: The Russian Federation Council since 2000. *Europe-Asia Studies*, vol. 55, no 5, pp. 667–691. doi: [10.1080/0966813032000086828](https://doi.org/10.1080/0966813032000086828)
- Richardson B. M. (1967) A Japanese House of Councillors Election: Support Mobilization and Political Recruitment. *Modern Asian Studies*, vol. 1, no 4, pp. 385–402. doi: [10.1017/S0026749X00002663](https://doi.org/10.1017/S0026749X00002663)
- Ross C., Turovsky R. (2013) The Representation of Political and Economic Elites in the Russian Federation Council. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no 1, pp. 59–88.
- Rubin B. R. (1992) Political Elites in Afghanistan: Rentier State Building, Rentier State Wrecking. *International Journal of Middle East Studies*, vol. 24, no 1, pp. 77–99. doi: [10.1017/S0020743800001434](https://doi.org/10.1017/S0020743800001434)
- Sakurai K. (2012) Shi'ite Women's Seminaries (howzeh-ye 'elmiyyeh-ye khahran) in Iran: Possibilities and Limitations. *Iranian Studies*, vol. 45, no 6, pp. 727–744. doi: [10.1080/00210862.2012.726846](https://doi.org/10.1080/00210862.2012.726846)
- Samii W. (2001) Iran's Guardians Council as an Obstacle to Democracy. *The Middle East Journal*, vol. 55, no 4, pp. 643–662.
- Shevlin N. (1998) Velayat-e Faqih in the Constitution of Iran: The Implementation of Theocracy. *University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law*, vol. 1, no 2, pp. 358–382.
- Shirvani F. A. (2012) Different Approach to the Control of Constitutionalism: Iran's Guardian Council. *Constitutionalism in Islamic Countries: Between Upheaval and Continuity* (eds. R. Grote, T. Roder), Oxford: Oxford University Press, pp. 279–290.

- Siavoshi S. (1992) Factionalism and Iranian Politics: The Post-Khomeini Experience. *Iranian Studies*, vol. 25, no 3–4, pp. 27–49. doi: [10.1080/00210869208701778](https://doi.org/10.1080/00210869208701778)
- Tev D. B. (2021) Chleny Soveta Phederatsii: kar'era do vhozhdeniya v dolzhnost' i posle prekrashcheniya polnomochiy [Members of the Federation Council: Careers Before Taking Office and After Resigning]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 30, no 4, pp. 53–78. doi: [10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78) (in Russian).
- Thaler D., Nader A., Chubin S., Green J., Lynch C., Wehrey F. (2009) *Mullahs, Guards, and Bonyads: An Exploration of Iranian Leadership Dynamics*, Santa Monica, CA: RAND National Defense Research Institute.
- Vahdati M. (2021) *Women's Political Empowerment and CEDAW: The Case of Iran and Turkey*". Wilson Center. Retrieved August 6, 2021. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/article/womens-political-empowerment-and-cedaw-case-iran-and-turkey> (accessed 10 June 2024).
- Vakili-Zad C. (1994) Conflict among the Ruling Revolutionary Elite in Iran. *Middle Eastern Studies*, vol. 30, no 3, pp. 618–631. doi: [10.1080/00263209408701014](https://doi.org/10.1080/00263209408701014)
- Vaskin I. A. (2024) Sovet ekspertov Islamskoy Respubliki Iran: sotsial'no-demographicheskie i politicheskie phactory rekrutirovaniya (1983–2024) [Assembly of Experts of the Islamic Republic of Iran: Socio-Demographic and Political Recruitment Factors (1983–2024)]. *Russian Sociological Review = Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 23, no 1, pp. 107–134. doi: [10.17323/1728-192x-2024-1-107-134](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-1-107-134) (in Russian).
- Vylcan S.E. (2021) *Zakonodatel'naya vlast' v Islamskoy Respublike Iran* [The Legislative Branch in the Islamic Republic of Iran], Moscow: Prospect (in Russian).

Received: February 20, 2024

Citation: Vaskin I. (2025) Nablyudatelnyy sovet Irana (1980–2022): sotsialnye i professionalnye phactory rekrutirovaniya [The Guardian Council of Iran (1980–2022): Social and Professional Recruitment Factors]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 1, pp. 90–112. doi: [10.17323/1726-3247-2025-1-90-112](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-1-90-112) (in Russian).